

A detailed oil painting of a young woman's head and shoulders in profile, facing left. She has dark, wavy hair and is wearing a light-colored, possibly pink or lavender, dress with a white lace collar. A thin gold chain with a small pendant is visible around her neck. The background is dark and indistinct.

Джейн Остин

Мэнсфилд-парк

Перевод с английского
Райсы Облонской

ФТМ

Джейн Остин

Мэнсфилд-парк

«ФТМ»

1814

Остин Д.

Мэнсфилд-парк / Д. Остин — «ФТМ», 1814

ISBN 978-5-4467-2048-4

В романе «Мэнсфилд-Парк» Джейн Остин рисует картины жизни английских буржуа, давая представление об их взаимоотношениях, о морали и нравах, эгоизме и своекорыстии провинциального дворянства и духовенства. Цепь их нелепых поступков и действий, основанных на честолюбии и денежном интересе, напоминает бесконечно кружащуюся карусель. Лишь появление главной героини романа, Фанни Прайс, ее честность, доброта и бескорыстие помогает внести разумное течение в этот хаос всеобщего несогласия. В книге использованы классические иллюстрации Чарльза Эдмунда Брока.

ISBN 978-5-4467-2048-4

© Остин Д., 1814

© ФТМ, 1814

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джейн Остен

Мэнсфилд-парк

Часть первая

Глава 1

Лет тому тридцать мисс Марии Уорд из Хантингдона, имевшей всего семь тысяч фунтов, посчастливилось пленить сэра Томаса Бертрама из Мэнсфилд-парка, что в графстве Нортгемптоншир, и таким образом возвыситься до положения жены баронета, владелицы прекрасного дома и значительного дохода со всеми вытекающими отсюда удобствами и возможностями. Весь Хантингдон пришел в восторг от столь замечательной партии, а ее дядя, адвокат, к тому же расстарался, чтоб у ней оказалось еще, по крайней мере, на три тысячи фунтов меньше, чем полагалось бы невесте такого лица. У нее были две сестры, коим ее успех должен был помочь в жизни; и те из знакомых, кто почитал наружность старшей мисс Уорд и мисс Франсис такую же привлекательной, как и мисс Марии, не колеблясь, прочили им столь же завидное замужество. Но, право, на свете куда меньше мужчин с большим состоянием, нежели хороших женщин, которые их достойны. По прошествии шести лет мисс Уорд вынуждена была связать свою судьбу с другом своего зятя, преподобным мистером Норрисом, у кого, можно сказать, и состояния-то никакого не было, а мисс Франсис преуспела и того менее. Благодаря попечению сэра Томаса, сумевшего предоставить своему другу место приходского священника в Мэнсфилде, брак мисс Уорд, в сущности, оказался не вовсе жалким, и семейное счастье четы Норрисов началось при доходе почти что в тысячу фунтов в год. А мисс Франсис вышла замуж, чтобы, как говорится, досадить своему семейству, чего и достигла в полной мере, связав жизнь с моряком, лейтенантом без образования, состояния и связей. Трудно было бы сделать выбор неудачнее. Сэр Томас Бертрам, человек влиятельный, столько же из принципа, сколько из гордости, а также из свойственного ему желания поступать по справедливости и видеть всех своих близких устроенными благопристойно, с радостью употребил бы свое влияние на пользу сестре леди Бертрам; но профессия ее мужа была такова, что это оказалось ему не по силам; и еще прежде, нежели он успел измыслить какой-либо иной способ помочь молодым супругам, между сестрами произошел совершенный разрыв. То было естественное следствие такого поведения обеих сторон, какое почти всегда вызывается опрометчивым браком. Желая избежать бесполезных увещаний, миссис Прайс написала обо всем семье, лишь когда бракосочетание уже совершилось. Леди Бертрам, наделенная характером на редкость покладистым и вялым, отчего ее трудно было вывести из равновесия, удовольствовалась бы тем, что просто махнула бы на сестру рукой и более не стала думать о произошедшем; но миссис Норрис, натура деятельная, не могла успокоиться, пока не написала Фанни длинное гневное письмо, а котором высказалась об ее безрассудном поведении и предвещала сестре всевозможные дурные последствия. Миссис Прайс, в свой черед, была уязвлена и разгневана; и ответное письмо, исполненное ожесточения против сестер и содержащее столь неуважительные замечания касательно сэра Бертрама, что миссис Норрис никак не могла сохранить его в тайне, надолго положило конец всяким отношениям между ними.

Они жили в таком отдалении друг от друга и вращались в кругах таких различных, что в последующие одиннадцать лет почти вовсе лишены были возможности получать вести друг о друге; во всяком случае, сэра Бертрама до крайности удивило, когда миссис Норрис вдруг сердито сообщила им – как она делала время от времени, – что у Фанни родился еще один

ребенок. Но к концу этих одиннадцати лет миссис Прайс уже не могла долее позволить себе тешить свою гордость и обиду или пренебрегать родством, от которого можно было бы ждать помощи. Большая и все увеличивающаяся семья, муж, негодный к службе, однако же всегда готовый выпить в компании приятелей, и весьма скромные средства для удовлетворения всех нужд заставили ее вспомнить о родных, от которых она так беспечно отказалась; она написала к леди Бертрам, и письмо ее свидетельствовало о таком искреннем раскаянии и унынии, о таком обилии детей и почти полном отсутствии чуть ли не всего прочего, что оно не могло не привести к всеобщему примирению. Миссис Прайс предстояли вскорости девятые роды, и, посетовав по сему поводу и прося о покровительстве ожидаемому младенцу, она не скрыла от родных, как важна была бы их поддержка для будущего благополучия ее восьмерых подрастающих отпрысков. Старшенький, красивый, живой мальчик, мечтает повидать мир, но как ему помочь? Не окажется ли он в дальнейшем полезен сэру Томасу в связи с его собственностью в Вест-Индии? Ему подойдет самая скромная должность... А что скажет сэр Томас о Вулидже? Или, может быть, отправить мальчика на Восток?

Письмо оказало свое действие. Оно восстановило мир и благожелательность. Сэр Томас передал дружеские заверения и советы. Леди Бертрам отправила деньги и детское приданое, миссис Норрис присовокупила к этому письма.

Таковы были последствия, но не прошло и года, как послание миссис Прайс принесло еще более весомые плоды.

Миссис Норрис часто говаривала, что бедняжка сестра и ее семейство не идут у ней из головы, и, как ни много уже для нее сделано, несчастная миссис Прайс, кажется, еще нуждается в помощи: надо бы ее полностью освободить от забот и трат, приходящихся на долю одного из ее многочисленных чад.

– Не взять ли нам на себя попечение об ее старшей дочери, девочке сейчас девять лет, этот возраст нуждается в большем внимании, нежели ей способна уделить бедняжка мать?хлопоты и расходы, каковые потребуются от родных, сущие пустяки по сравнению с таким благодеянием.

Леди Бертрам тотчас с нею согласилась.

– Лучше не придумаешь, – сказала она. – Надобно послать за девочкой.

Сэр Томас не мог одобрить эту мысль столь же быстро и безоговорочно; он размышлял и колебался: это дело серьезное, девочка, достойным образом воспитанная, должна быть и соответственно обеспечена, в противном случае, забрав ее из семьи, они совершат не добро, а жестокость. Он думал о своих четверых детях, о двоих сыновьях, о любви, что нередко вспыхивает у кузенов, и тому подобном; но едва он стал осторожно высказывать свои возражения, как миссис Норрис прервала его и ответила на них все, высказанные и невысказанные.

– Любезный сэр Томас, я полностью вас понимаю и отдаю должное великодушию и деликатности ваших мнений, они, конечно же, всецело соответствуют вашим взглядам и поведению; я совершенно согласна с вами в главном, что касается до необходимости сделать все от нас зависящее, чтобы обеспечить дитя, за которое в известном смысле каждый из нас берет на себя ответственность. И уж конечно, ради такого случая я тоже внесу свою скромную лепту. Не имея собственных детей, кого же, кроме детей моих сестер, могу я почитать достойными той малости, что у меня есть?.. И я уверена, мистер Норрис уж такой справедливый, что... ну да вы знаете, не мастерица я говорить и заверять. Да не убоимся мы доброго дела из-за пустяка. Дайте девочке образование и надлежащим образом подготовьте ее к вступлению в жизнь, и можно ставить десять против одного, что все наладится безо всяких дополнительных расходов с чьей-либо стороны. Скажу прямо, нашей племяннице, или, уж во всяком случае, вашей, сэр Томас, ежели она вырастет в здешних местах, откроется множество возможностей. Не говорю, что в ней так же будет видна порода, как в ее кузинах. Боюсь, что нет; но она будет введена в общество при столь благоприятных обстоятельствах, что, по всей вероятности, займет в нем

подобавшее место. Вы думаете о своих сыновьях... Но неужто вы не понимаете, что уж этого менее всего можно опасаться – ведь они стали бы расти вместе, как братья и сестры? То, чего вы страшитесь, совершенно невозможно. Я не знаю тому ни единого примера. Напротив, это самый верный способ предотвратить нежелательные отношения. Представьте, ежели она хорошенькая и Том или Эдмунд увидят ее впервые через семь лет, вот тут, смею сказать, жди беды. Самой мысли, что ей пришлось расти в отдалении ото всех нас, в бедности и небрежении, было бы довольно, чтобы любой из наших милых, добросердечных мальчиков в нее влюбился. Но ежели воспитывать ее с этих пор вместе с ними и пускай она окажется даже ангельски хороша, все равно она будет для них всего только сестрою.

– В ваших словах много правды, – отвечал сэр Томас, – и у меня и в мыслях не было воздвигать воображаемые препятствия перед планом, каковой так сообразуется с положением всех родственников. Я лишь хотел остеречь от поспешных решений, и, чтобы это действительно принесло пользу миссис Прайс и послужило к нашей чести, надо обеспечить девочку или почитать нашу обязанностью обеспечить ее, как пристало женщине нашего сословия, в будущем, когда в том возникнет необходимость, ежели судьба ее сложится не столь благополучно, как вы с такой уверенностью предсказали.

– Я совершенно вас понимаю! – воскликнула миссис Норрис. – Вы само великодушные и внимательность, и нам тут, конечно же, не о чем спорить. Вы ведь знаете, ради блага тех, кого я люблю, я на все готова; и хотя никогда я не буду питать к этой девочке и сотой доли тех чувств, какие питаю к вашим милым деткам, потому как никоим образом не могу почитать ее до такой степени своею, однако же, я не прошу себе, ежели не стану об ней заботиться. Разве она не дитя моей сестры? И возможно ли для меня не поделиться с нею, ежели она будет в нужде, последним куском? Любезный сэр Томас, при всех моих недостатках у меня доброе сердце; и какая я ни бедная, а скорее откажу себе в самом необходимом, чем поступлю невеликодушно. Так что, ежели вы не против, я завтра же напишу к моей бедняжке сестре и сделаю ей это предложение: и коль скоро все будет улажено, сама озабочусь доставить девочку в Мэнсфилд, вам не надобно об этом беспокоиться. Вы ведь знаете, я не считаю за труд лишний раз беспокоиться. Я нарочно для того пошлю в Лондон Ненни, она остановится у своего родича-шорника, и мы условимся, чтобы девочка там с нею и встретилась. Ее запросто могут отправить из Портсмута в Лондон почтовой каретою, препоручив заботам любого внушающего доверие попутчика. Среди пассажиров уж непременно окажется жена какого-нибудь почтенного торговца.

Сэр Томас запротестовал единственно против родича Ненни, других возражений у него не нашлось, тем самым место встречи заменили более пристойным, хотя и не столь экономным; было сочтено, что все устроилось, и они уже заранее наслаждались своим великодушным поступком. Строго говоря, радость, какую они испытывали, не должна была бы быть одинакова, ибо сэр Томас исполнился решимости стать истинным и неизменным покровителем маленькой избранницы, тогда как миссис Норрис не имела ни малейшего намерения входить в какие-либо расходы на ее содержание. Что до прогулок, разговоров, всяческих замыслов, тут миссис Норрис было не занимать щедрости, и никто не превзошел бы ее в искусстве требовать широты натуры от других; но любовь к деньгам была у ней равна любви распоряжаться, и потратить денежки своих родных она умела не хуже, чем сберечь свои кровные. Выйдя замуж за человека с доходом более скромным, чем ей хотелось бы, она поначалу вообразила, будто необходимо во всем соблюдать весьма строгую экономию; и то, чему сперва была причиною вынужденная расчетливость, в скором времени пришлось ей по вкусу, стало предметом неустанного попечения, обыкновенно направляемого на детей, коих у ней не было. Ежели надо было бы содержать большое семейство, миссис Норрис никогда не сберегла бы свои деньги; но такой заботой она не была обременена, и оттого ничто не препятствовало ее бережливости и не убавляло довольства, какое приносил доход, что ежегодно пополнялся и превышал их надобности. Увлеченная

страстью к накопительству и при этом не питая истинной привязанности к сестре, она готова была претендовать единственно на честь придумать и привести в действие столь дорогостоящую благотворительность; хотя, могло статься, она так плохо себя знала, что после беседы с сэром Томасом возвращалась домой в счастливой уверенности, будто, кроме нее, нет на свете сестры и тетушки, которой присуща была бы такая широта натуры.

Когда разговор о сем предмете зашел вновь, она высказалась более определенно, и в ответ на безмятежный вопрос леди Бертрам – «Куда девочку сперва привезут, сестра, к тебе или к нам?» – сэр Томас не без удивления услышал, что миссис Норрис ни в коем случае не может взять на себя присмотр за нею. Сэр Томас полагал, что в доме приходского священника, у тетушки, не имеющей своих детей, девочке будут особенно рады, но оказалось, он сильно ошибался. Миссис Норрис с огорчением сказала, что поселить у них ребенка и думать нечего, по крайней мере, при их теперешних обстоятельствах. Из-за незавидного состояния здоровья бедняжки мистера Норриса это никак невозможно: он столь же не в силах переносить шум, связанный с пребыванием в доме ребенка, как летать. Если его перестанет мучить подагра, тогда, конечно, другое дело. Сама она не посмотрит ни на какие неудобства и, в свой черед, будет с радостью брать племянницу к себе. Но как раз сейчас все ее время до минуты отдано бедняжке мистеру Норрису, с ним даже заговорить об этом нельзя, он наверняка тотчас расстроится.

– Тогда лучше ей приехать к нам, – невозмутимо заявила леди Бертрам.

И сэр Томас, подумав, прибавил с достоинством:

– Да, пускай ее дом будет у нас. Мы постараемся исполнить свой долг по отношению к ней, и для нее, по крайней мере, уже то будет хорошо, что она найдет сверстников и опытную гувернантку.

– Воистину так! – воскликнула миссис Норрис, – оба эти соображения очень важные, и мисс Ли, конечно же, все равно трех девочек учить или только двух – никакой разницы. Я и рада бы оказаться более полезной, но сами видите, я делаю все, что в моих силах. Я не из тех, кто избегает хлопот, Ненни непременно поедет за нею, как бы ни трудно мне было на три дня остаться без моей главной помощницы. Я думаю, сестра, ты поместишь девочку в белую комнату наверху, рядом с бывшей детской. Это для нее самое подходящее место, совсем рядом с мисс Ли, и недалеко от девочек, и до горничных рукой подать, любая поможет ей одеться и присмотреть за одеждой, ты ведь, конечно, не думаешь, что Эллис или кто другой должен ей прислуживать как нашим девочкам. Право, не вижу, куда бы еще ты могла ее поместить.

Леди Бертрам не возражала.

– Надеюсь, она девочка добронравная и будет понимать, какое ей выпало редкостное счастье иметь таких покровителей, – продолжала миссис Норрис.

– Если же нрав у ней окажется дурной, мы из-за наших собственных детей не сможем оставить ее у нас, – сказал сэр Томас. – Но у нас нет оснований ждать такой беды. Многое в ней нам, вероятно, захочется изменить, и надо быть готовыми к вопиющему невежеству, к некоему убожеству взглядов и весьма неприятной вульгарности манер, но эти недостатки не из числа неисправимых, или, во всяком случае, они не опасны для окружающих. Будь она старше моих дочерей, я бы счел, что ввести ее в дом затея весьма рискованная, но при том, как обстоит дело, надеюсь, эта близость им ничем не повредит, а ей всячески пойдет на пользу.

– Я думаю в точности так же и это самое говорила сегодня утром мужу, – воскликнула миссис Норрис. – Уже одно то, что она окажется в обществе своих кузин, будет способствовать ее воспитанию. Даже если ее ничему не научит мисс Ли, она наберется ума и благородства у них.

– Надеюсь, она не станет дразнить моего мопсика, – сказала леди Бертрам. – Мне едва удалось отвадить от него Джулию.

– Нам предстоит одна сложность, миссис Норрис, – заметил сэр Томас. – Речь идет о надлежащем различии, которое должно существовать между девочками, когда они подрастут:

как сохранить у моих дочерей сознание, кто они такие, без того, чтобы они ставили кухню слишком уж низко, и как, не чересчур омрачая ее настроение, не дать ей забывать, что она отнюдь не мисс Бертрам. Я не против, чтобы они подружились, и никак не стал бы поощрять в своих дочерях ни малейшего высокомерия по отношению к их родственнице, но все же она им не ровня. Их положение, состояние, права, виды на будущее всегда будут несравнимы. Тут требуется величайшая деликатность, и вы должны нам помочь в наших стараниях избрать верную линию поведения.

Миссис Норрис заверила зятя, что она всецело к его услугам, и, хотя вполне согласна, что задача это нелегкая, конечно же, он может надеяться, что уж они-то справятся с ней без труда.

Легко поверить, что миссис Норрис написала сестре не напрасно. Миссис Прайс несколько удивилась, что выбор остановили на девочке, когда у ней столько прекрасных мальчиков, но с благодарностью приняла предложение и заверила родных, что ее дочь девочка благонаправная, добросердечная и, она надеется, у них не будет причины отослать ее обратно. Далее она писала, что девочка хрупка и слабенькая, но от перемены обстановки, без сомнения, окрепнет. Бедная женщина, вероятно, думала, что перемена обстановки пошла бы на пользу всем ее многочисленным детям.

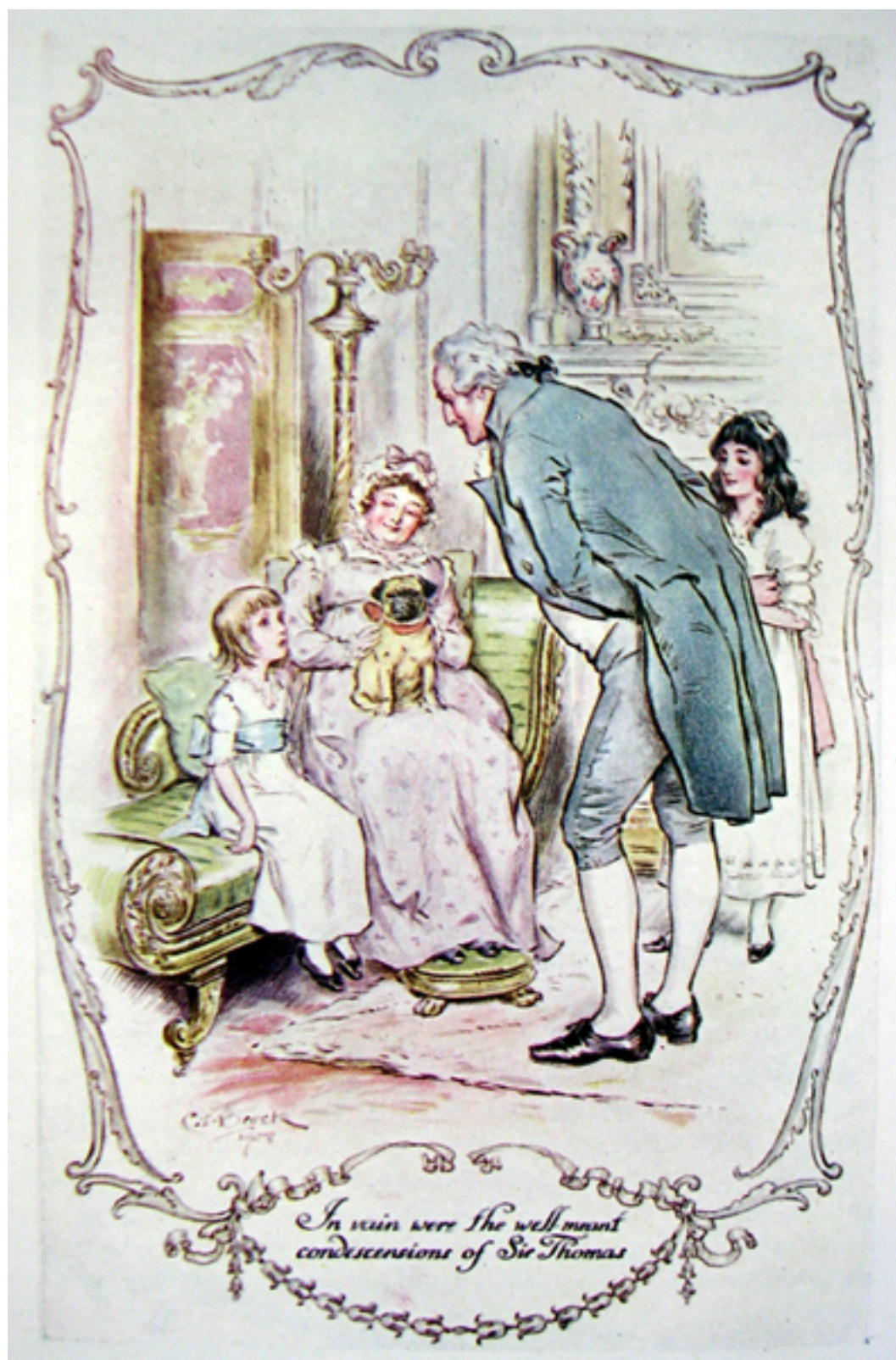
Глава 2

Девочка благополучно совершила долгое путешествие до Нортгемптона, где ее встретила тетушка Норрис, гордая своим великодушием и своей миссией – приветствовать племянницу, ввести в дом родных и вверить их доброте.

Фанни в ту пору было ровно десять лет, и хотя при первом знакомстве ее наружность ничем особенным не привлекла, но ничем и не оттолкнула. Для своих лет была она маленькая, личико без румянца, без иных бросающихся в глаза признаков красоты; до крайности застенчивая и робкая, она избегала привлекать к себе внимание; но в ее манерах, хотя и неловких, не ощущалось никакой вульгарности, голосок был нежный, и, когда она разговаривала, видно было, как она мила. Сэр Томас и леди Бертрам приняли ее очень сердечно, сэр Томас, видя, как она нуждается в ободрении, старался всячески ее приветить, но натолкнулся на весьма неуместную замкнутость, а леди Бертрам не приложила и половины его усилий, и там, где он произносил десяток слов, обходилась одним, но благодаря всего лишь ее добродушной улыбке девочка сразу же стала дичиться ее куда меньше, чем сэра Томаса.

Юное поколение всё находилось дома и охотно, без замешательства внесло свою долю в церемонию знакомства, по крайней мере, это можно было сказать о сыновьях, кои в свои семнадцать и шестнадцать не по годам высокие, показались маленькой кузине воплощением мужского великолепия. Девочки же, обе моложе братьев и куда больше братьев трепетавшие перед отцом, который обратился к ним в этот час с непомерной торжественностью, были несколько смущены. Но слишком привыкшие быть на людях и слышать похвалы в свой адрес, они не знали ничего похожего на истинную робость, и неуверенность кузины лишь прибавила им уверенности, так что скоро они уже со спокойным равнодушием принялись разглядывать ее лицо и платье.

В семействе Бертрам дети были как на подбор, сыновья хороши собой, девочки, можно сказать, настоящие красавицы, и все высокие, статные не по летам, и наружностью они отличались от кузины столь же разительно, как и манерами, отшлифованными воспитанием; и никому бы и в голову не пришло, что девочки так близки друг другу по возрасту. Младшую сестру и Фанни разделяли всего два года. Джулии Бертрам было только двенадцать, а Марии всего на год больше. Меж тем маленькая гостя чувствовала себя глубоко несчастной. Всех их она боялась, стыдилась себя, тосковала по оставленному дому и оттого не смела поднять глаз и говорила едва слышно или сквозь слезы. Всю дорогу от Нортгемптона миссис Норрис твердила, какое поразительное ей выпало счастье, и как велика должна быть ее благодарность, и как примерно следует себя вести, и вот теперь девочка страдала еще более от сознания, что это дурно – не чувствовать себя счастливой. Скоро оказала себя еще и усталость от столь долгого путешествия. Напрасны были исполненные самых добрых побуждений снисходительность сэра Томаса и настойчивые предсказания тетушки Норрис, что девочка будет хорошей, напрасно улыбалась леди Бертрам и усадила ее на диван рядом с собою и с мопсом, не утешил даже пирог с крыжовником; она и двух кусочков не съела, как опять полились слезы, и, подумав, что всего лучше ее успокоит сон, ее уложили в постель и оставили избывать свои горести.

– Начало не очень многообещающее, – сказала миссис Норрис, когда Фанни вышла. – После всего, что я говорила ей дорогою, я думала, она будет вести себя лучше; я объяснила, как важно ей произвести хорошее впечатление при первой встрече. Хотела бы я, чтобы в ней не было и толики угрюмости – ее мать, бедняжка, всегда этим отличалась; но нам не следует забывать, что она еще ребенок, и вряд ли ей можно ставить в вину, что она горюет, расставшись

со своим домом, ведь какой ни есть, это и вправду ее дом, и ей еще не понять, как изменится к лучшему ее жизнь; но все-таки во всем должно соблюдать умеренность.

Однако, чтобы Фанни примирилась с незнакомым ей прежде Мэнсфилд-парком и с разлукой со всем, к чему привыкла, потребовалось больше времени, чем склонна была ей дать тетушка Норрис. Всю остроту ее чувств толком не понимали и потому относились к ним без должного внимания. Никто не желал ей зла, но никто не собирался утруждать себя ради ее спокойствия.

Свободный от занятий день, который назавтра предоставили девочкам Бертрам, чтобы они не спеша познакомились со своей маленькой кухней и развлекли ее, никак их не сблизил. Узнав, что у ней всего две ленты и что она никогда не занималась французским, они потеряли к ней интерес; а когда поняли, что, милостиво исполнив для нее дуэт на фортепиано, никак ее не поразили своим искусством, им только и пришлось в голову щедро одарить ее кое-какими наименее любимыми своими игрушками и предоставить ее самой себе, а потом они принялись за одно из тех занятий, каким в ту пору отдавали предпочтение в свободное время – стали делать искусственные цветы или попусту переводить золотую бумагу.

Рядом с кухнями или поодаль от них, в классной ли комнате, в гостиной, в садовой аллее, Фанни все время чего-нибудь в ком-нибудь боялась, и всюду она чувствовала себя несчастной и одинокой. Молчание леди Бертрам угнетало ее, серьезное лицо сэра Томаса внушало благоговейный страх, а наставления тетушки Норрис совсем подавляли. Кухни, старше нее по возрасту, унижали ее разговорами о том, что она слишком мала ростом, приводили в смущение, замечая ее робость. Мисс Ли дивилась ее невежеству, горничные с презреньем смотрели на ее платье; эти горести становились еще горше из-за мыслей о сестрах и братьях, для которых она была неизменной участницей игр, наставницей и нянькой; глубокая печаль снедала ее детское сердечко. Великолепие дома Бертрамов поражало ее, но утешить не могло. Комнаты были слишком велики, она чувствовала себя в них скованно, она боялась дотрагиваться до вещей – как бы чего не испортить, и двигалась по дому с опаской, вечно чего-то страшась; часто уходила в свою комнату поплакать; и та самая девочка, о которой, когда она вечером покидала гостиную, говорили, что она, как и хотелось бы, кажется, сознает, какое редкостное ей выпало счастье, каждый исполненный горестей день засыпала в слезах. Так прошла неделя, и по ее тихому покорному поведению никто ничего не подозревал, пока однажды утром ее кузен Эдмунд, младший из сыновей четы Бертрам, не застал ее плачущей на лестнице, ведущей наверх.

– Милая кузиночка, – сказал он с присущей его превосходной натуре мягкостью, – что такое случилось? – И, севши рядом с нею на ступеньку, он всеми силами старался преодолеть ее смущение оттого, что ее застали врасплох, и уговаривал открыться ему. – Может быть, ей нездоровится? или кто-нибудь на нее рассердился? или она повздорила с Марией или Джулией? или чего-то не поняла из урока, он с радостью ей объяснит? Иными словами, не хочет ли она, чтобы он что-нибудь ей принес или что-нибудь для нее сделал?

Долгое время ему только и удавалось от нее услышать, что «нет, нет... вовсе нет... нет, спасибо», но он все не отступался, и, лишь когда заговорил об ее родном доме, усилившиеся рыдания объяснили ему, из-за чего она горюет. Он попытался ее утешить.

– Ты тоскуешь в разлуке с мамой, милая моя Фанни, – сказал он, – а это значит, что ты очень хорошая девочка. Но помни, Фанни, ты ведь сейчас у родных, у друзей, тебя все любят и все хотят, чтобы тебе было хорошо. Давай выйдем в парк, и ты мне расскажешь про своих братьев и сестер.

Продолжая расспрашивать, Эдмунд понял, что, как ни милы девочке все ее братья и сестры, есть среди них один, кто ей всех дороже. Это Уильям, об нем она говорила больше всего, об нем больше всего тосковала. Уильям, старший брат годом старше нее, постоянный

ее собеседник и друг, во всякой беде защитник перед матерью (которая любит его более всех остальных). Уильям не хотел, чтобы она уезжала... говорил, что будет очень о ней скучать.

– Но уж наверно Уильям будет писать тебе письма.

– Да, он обещал, но сказал, пускай первая напишет она.

– И когда ж ты напишешь?

Фанни опустила голову и ответила, запинаясь, что не знает, у ней нет ни листка бумаги.

– Если вся беда в этом, я дам тебе бумагу и все необходимое, и можешь писать к брату, когда тебе вздумается. Ты будешь довольна, если сможешь ему писать?

– Да, очень.

– Тогда не надо откладывать. Идем со мной в малую гостиную, там мы найдем все, что нужно, и никто нам не помешает, там сейчас никого нет.

– Кузен... а на почту письмо попадет?

– Конечно, это уж моя забота; его отправят со всеми остальными письмами; твой дядя заранее оплатит его и оно не введет Уильяма в расход.

– Дядя! – испуганно повторила Фанни.

– Когда напишешь, я отнесу письмо папеньке, и он его франкирует.

Фанни подумала, что это будет дерзость, но больше противиться не стала: и они вместе пошли в малую гостиную, там Эдмунд достал бумагу и разлиновал ее с такой охотой, будто сам Уильям, только, пожалуй, еще аккуратнее. Он оставался с Фанни все время, пока она писала, и, если надобно, пускал в ход свой перочинный ножик или говорил, как пишется то или иное слово, и сверх этих забот, на которые она отзывалась всей душой, выказал благожелательность к ее брату, что более всего обрадовало ее. Собственной рукою он приписал привет своему кузену Уильяму и, прежде чем запечатать письмо, вложил в него полгинеи. По этому случаю на Фанни нахлынули такие чувства, что, ей казалось, она не способна их выразить, но само ее лицо и несколько безыскусственных слов в полной мере передали ее признательность и восторг, и теперь кузен почувствовал к ней интерес. Он еще поговорил с нею, и все ею сказанное убедило его, что у ней любящее сердце и она полна желания вести себя наилучшим образом; и ему ясно стало, что крайняя уязвимость положения, в котором она оказалась, и крайняя робость и впредь дают ей право на внимание. Прежде он никогда сознательно не обижал ее, но теперь почувствовал, что она нуждается в большей доброте, и потому прежде всего старался умалить ее страх перед окружающими, да еще надавал ей множество добрых советов, вроде того, что надобно играть с Марией и Джулией и быть как можно веселее.

С этого дня Фанни стало уютнее. Она поняла, что у ней появился добрый друг, и от этого стала держаться уверенней со всеми остальными. Мэнсфилд-парк уже не казался таким чужим, а его обитатели такими грозными, и, если кое-кого она еще побаивалась, она хотя бы постепенно узнавала их привычки и училась наилучшим образом к ним применяться. Некоторая достойная сожаления неотесанность и угловатость, что поначалу доставляли неприятные минуты всем, и прежде всего ей самой, сгладились, как тому и следовало быть, и она уже, в сущности, не боялась показываться на глаза дяде и не слишком пугалась, услышав голос тетушки Норрис. Теперь кузины уже не тяготились ею и приглашали изредка в свои игры. Хотя, оттого что была она моложе и слабее, они не считали, что она достойна постоянно проводить время в их обществе, но в удовольствиях и забавах им иной раз бывало не обойтись без третьего, да еще когда этот третий такой услужливый и покладистый; и если тетушка расспрашивала их об ее промахах или брат Эдмунд убеждал их, что Фанни вправе рассчитывать на их доброту, они не могли не признать, что «Фанни довольно милая».

Сам Эдмунд был неизменно добр, а что до Тома, она не видела от него ничего плохого, он всегда слегка над нею подшучивал, семнадцатилетнему юноше это казалось подходящим обращением с десятилетним ребенком. Том только еще вступал в жизнь, радость была в нем ключом, и, как истый старший сын, чувствующий, что рожден лишь для того, чтобы сорить

деньгами и получать удовольствие, он был расположен ко всем и вся. Доброту по отношению к маленькой кухне он выражал в полном согласии со своим положением и правами: иной раз делал ей милые подарки и посмеивался над нею.

Когда наружность и настроение девочки улучшились, сэр Томас и тетушка Норрис стали думать о своем благодеянии с еще большим удовлетворением; и очень скоро между ними было решено, что хотя умной ее никак не назовешь, зато она выказала склонность к послушанию и, пожалуй, особых хлопот с ней не будет. Невысокого мнения об ее способностях придерживались не только они. Фанни и умела всего лишь читать, рукодельничать да писать, ничему другому ее не научили; и когда кухни обнаружили, что она понятия не имеет о многом, с чем сами они давно знакомы, они сочли ее невероятной тупицей, и первые две-три недели в подтверждение этого то и дело рассказывали в гостиной что-нибудь новенькое.

– Мамочка, дорогая, вы только подумайте, кухня не может правильно расположить ни одно государство на карте Европы... Или – кухня не может показать главные реки России... Или – она слыхом не слыхала про Малую Азию... Или – она не знает, какая разница между акварельными красками и цветными карандашами!.. Как же так!.. Вы когда-нибудь слыхали о такой тупости?

– Это, конечно, нехорошо, детка, – вступалась тактичная тетушка, – но нельзя ждать, чтобы все и каждый были такими же развитыми да способными, как ты сама.

– Но, тетушка, она уж такая невежда! Вы знаете, вчера вечером мы ее спросили, в какую сторону она поедет, чтобы попасть в Ирландию, и она сказала, она переправится на остров Уайт. Она только и думает, что об острове Уайт, она называет его просто Остров, будто других островов вообще нет на свете. Да я бы сторела со стыда еще задолго до ее лет; если б вот так ничего не знала. Я уж и не помню, с каких пор я знаю много всего, об чем она еще и сейчас не имеет ни малейшего понятия. Тетушка, мы ведь давным-давно выучили, какие короли были в Англии, кто после кого взошел на престол и какие при этом были важнейшие события.

– Да, и римских императоров давно знаем, еще с Северия, – прибавила вторая кухня. – Да сколько языческих мифов, и все металлы, и металлоиды, и планеты, и знаменитых философов.

– Ну конечно, мои дорогие, но Господь наградил вас обеих замечательной памятью, а у вашей бедняжки кухни, может, и вовсе ее нет. Память бывает очень разная, как и все прочее, и потому надобно быть снисходительными к кухне, сожалеть об ее несовершенстве. И запомните, если вы такие сами умницы и так преуспеваете в ученье, вам надобно быть скромными: потому что, сколько бы вы уже ни знали, вам предстоит узнать еще куда больше.

– Да, конечно, до того, как мне исполнится семнадцать. Но я еще расскажу вам про Фанни, это так странно и так глупо. Вы знаете, она говорит, что не хочет учиться музыке и рисованию.

– Конечно, моя дорогая, это и вправду очень глупо и показывает, как основательно ей недостает способностей и стремления к самоусовершенствованию. Но если хорошенько подумать, пожалуй, так оно и лучше, потому что хотя, как вы знаете (благодаря мне), ваши папенька и маменька по доброте своей воспитывают ее вместе с вами, однако же ей вовсе нет надобности быть такой же образованной, как вы, – напротив того, гораздо желательней, чтоб в этом было некоторое отличие.

Таковы были советы, с помощью которых миссис Норрис старалась воспитать души своих племянниц; и не удивительно, что при всех их многообещающих талантах и рано приобретенных знаниях, они были вовсе лишены не столь широко распространенных склонностей к самопознанию, великодушию и смирению. Они получали превосходное воспитание, которое касалось всего, кроме их характера. Сэр Томас не знал, чего им недостает, потому что, хотя и относился к отцовским обязанностям поистине ревностно, внешне отцовскую любовь не проявлял, и его сдержанность мешала детям давать при нем волю чувствам.

Леди Бертрам не уделяла образованию дочерей ни малейшего внимания. Для подобных забот у ней не хватало времени. Нарядно одетая, она целыми днями сидела на диване и занималась каким-нибудь бесконечным рукодельем, никому не нужным и некрасивым, думая при этом все больше о своем мопсе, а не о детях, но относилась к ним очень снисходительно, если только они не докучали ей, и во всех важных делах следовала советам сэра Томаса, а в заботах помельче – своей сестры. Будь у нее больше свободного времени, чтобы посвятить его дочерям, она бы, вероятно, сочла, что в этом нет необходимости, ведь они на попечении гувернантки, и у них прекрасные учителя, чего же еще надобно. А что до Фанниной тупости в ученье, «можно только сказать, это весьма прискорбно, но иные люди и вправду тупы, так что Фанни должна стараться, не жалея сил; ничего другого тут не придумаешь; и надобно прибавить, что, кроме такой неспособности, она, леди Бертрам, не видит в бедняжке ничего плохого, к тому же девочка всегда так ловко и проворно исполняет поручения и приносит все, за чем ее ни пошлешь».

При всей своей робости и пробелах в знаниях Фанни прижилась в Мэнсфилд-парке и, постепенно привязываясь к нему все сильнее, почти как к родному дому, росла не вовсе безрадостно в окружении кузенов и кузин. Мария и Джулия были не злы по натуре, и, хотя своим поведением нередко унижали Фанни, она была о себе такого невысокого мнения, что не чувствовала обиды.

Примерно в ту пору, когда она вошла в семью, леди Бертрам, из-за небольшого нездоровья и великой лени, отказалась от дома в Лондоне, где прежде проводила каждую весну, и жила теперь постоянно за городом, предоставив сэру Томасу исполнять его обязанности в парламенте и жить отныне с большим, а быть может, и с меньшим комфортом, вызванным ее отсутствием. Тем самым за городом обе мисс Бертрам продолжали упражнять память, разучивать на фортепиано дуэты и становились высокими и женственными; и их отец видел, что наружностью, поведением и достоинствами они делались такими, какими ему и хотелось их видеть. Старший сын рос беспечным расточителем и уже доставил отцу немало тревог; но от остальных детей можно было ждать только хорошего. Дочери, пока носят имя Бертрам, будут лишь способствовать его украшению, а расставшись с ним, без сомнения, соединят свое семейство с другими, столь же почтенными и родовитыми; характер же Эдмунда, отменный здравый смысл и сильно развитое чувство справедливости служили наилучшим образом к пользе, чести и счастью его самого и всех его близких. Ему предстояло стать священником.

За довольством и заботами, которые доставляли сэру Томасу собственные дети, он не забывал делать все возможное для детей миссис Прайс; он щедро помогал ей в образовании и дальнейшем устройстве сыновей, когда они достаточно подросли и пора было избрать для них постоянное поприще; и Фанни, хотя почти вовсе разлученная со своей семьей, искренне радовалась всякий раз, как слышала о любом проявлении доброты по отношению к ним, любой малости, что сулила перемены к лучшему в их положении и поведении. Однажды, всего лишь однажды за многие годы ей выпало счастье побыть с Уильямом. Остальных же она никогда не видела; казалось, никто и не думал, что она когда-нибудь опять придет к ним, пусть даже только погостить, казалось, дома никому она не нужна; но Уильяма, вскорости после ее отъезда решившего стать моряком, перед уходом в плаванье пригласили в Нортгемптоншир провести неделю с сестрой. Горячую привязанность, проявившуюся при встрече, беспредельный восторг оттого, что они вместе, часы радостного веселья и минуты серьезных разговоров – все это можно представить; так же как бодрость и радость жизни, не оставлявшие брата даже и в последние минуты, и горе сестры, когда он уехал. По счастью, он гостил в Мэнсфилд-парке в рождественские праздники, и Фанни могла сразу же искать утешения у кузена Эдмунда; а он чудесно живописал ей, чем Уильяму предстоит заниматься сейчас и кем он станет в дальнейшем, и постепенно Фанни пришлось признать, что в их разлуке, возможно, есть кое-какой смысл. Дружба Эдмунда никогда ее не обманывала: окончание Итона и переход в Окс-

форд ничуть не изменили его доброго нрава, лишь дали ему возможность чаще проявляться. Нисколько не кичась тем, что делает больше других, и нисколько не опасаясь, что делает слишком много, он неизменно и преданно пекся о благе девочки и со вниманием относился к ее чувствам, стараясь, чтобы ее достоинства были поняты и чтобы она преодолела неуверенность в себе, которая мешала им стать более очевидными; она находила у него советы, утешение и ободрение.

Все прочие мало ею интересовались, и поддержка его одного не могла приблизить к ним Фанни, однако же его внимательность была чрезвычайно важна в другом отношении: помогала совершенствовать ее ум и расширять получаемые от этого удовольствия. Он знал, что она девочка смышленная, понятливая, к тому же исполнена здравомыслия и любви к чтению, которое, должным образом направленное, уже само по себе есть образование. Мисс Ли учила ее французскому и слушала, как она читает ежедневный урок из истории; но Эдмунд рекомендовал ей книги, которые завораживали ее в часы досуга, он развивал ее вкус и поправлял ее суждения; чтение шло ей на пользу, так как Эдмунд беседовал с нею о прочитанном и благо-разумной похвалою делал книгу еще привлекательнее. В ответ на его помощь Фанни любила его более всех на свете, кроме Уильяма; сердце ее принадлежало им двоим.

Глава 3

Первое важное событие в семье, смерть мистера Норриса, произошло, когда Фанни было около пятнадцати лет, и за ним неизбежно последовали перемены и новшества. Расставшись с домом приходского священника, миссис Норрис сначала переехала в Мэнсфилд-парк, а после в деревню, в скромный домик, принадлежащий сэру Томасу, и в потере мужа утешилась мыслью, что прекрасно может обойтись без него, а в сокращении своих средств – очевидною необходимостью более строгой экономии.

Приход предназначался Эдмунду, и, умри его дядюшка несколькими годами ранее, он был бы отдан кому-то из знакомых священнослужителей, чтобы перейти к Эдмунду, когда возраст позволит ему принять сан. Но расточительство Тома, предшествовавшее этому событию, было столь велико, что пришлось передать освободившееся место другому кандидату, и младший брат вынужден был расплачиваться за удовольствия старшего. Имелся и другой семейный приход, который, в сущности, придерживали для Эдмунда; но хотя благодаря сему обстоятельству совесть мучила сэра Томаса и несколько меньше, он полагал подобный выход из положения несправедливым и всячески старался внушить это убеждение старшему сыну, в надежде, что оно подействует куда более, нежели все то, что он говорил или делал прежде.

– Мне стыдно за тебя, Том, – с величайшим достоинством сказал он. – Мне стыдно за то средство, к которому я вынужден прибегнуть, и я полагаю, тебя можно пожалеть за то чувство, какое ты испытываешь сейчас по отношению к брату. На десять, двадцать, тридцать лет, а может быть, и на всю жизнь ты лишил Эдмунда более чем половины дохода, который он должен был получать. В будущем, возможно, я или ты еще сумеем обеспечить ему более высокое положение (я очень на это надеюсь); но не следует забывать, что, как ни хороша оказалась бы возможность, которую мы сумеем ему предоставить, с нашей стороны это будет лишь справедливое возмещение, на которое он, безусловно, вправе рассчитывать, и что никакая возможность не сравнится с тем преимуществом, от коего он сейчас вынужден отказаться из-за срочности твоих долгов.

Том слушал не без стыда и не без огорчения; но, постаравшись поскорее скрыться с глаз отца, он уже очень скоро с веселым эгоизмом размышлял, что, во-первых, его долг и вполнину не так велик, как у иных его приятелей, во-вторых, выговор отца прескучен, и в-третьих, будущий приходский священник, кто бы он ни был, всего вероятней, вскорости умрет.

После кончины мистера Норриса кандидат на его место, некий доктор Грант, по праву получил приход, приехал в Мэнсфилд и, оказавшись сорокапятилетним здоровяком, как будто должен был бы обмануть ожидания мистера Бертрама. Но нет, «это малый апоплексического склада, с короткой шеей, и, ежели его усердно потчуют хорошей стряпней, он не заживется на свете».

У доктора Гранта была жена лет на пятнадцать моложе, а детей не было, и соседи по обыкновению благосклонно отзывались об них как о людях почтенных и приятных.

Теперь, как надеялся сэр Томас, пришла пора свояченице принять участие в их племяннице, ибо оттого, что положение миссис Норрис изменилось, а Фанни подросла, казалось, не только исчезли причины, мешающие им жить вместе, но все самым решительным образом этому способствовало; а поскольку его собственные обстоятельства стали менее благоприятны, нежели прежде, так как в добавление к мотовству старшего сына он потерпел убытки в Вест-Индии, ему было бы желательно освободиться от затрат на ее содержание и от обязательств обеспечивать ее в будущем. Совершенно уверенный, что так оно и должно быть, сэр Томас упомянул об этом жене; и случилось так, что, когда впервые после разговора с мужем она опять об этом вспомнила, Фанни была тут же, и тетушка спокойно заметила:

– Итак, Фанни, ты нас покидаешь и будешь жить у моей сестры. Ты довольна?

Фанни так поразились, что только и была в силах повторить слова тетушки.

– Покидаю вас?

– Да, милочка, отчего ты так удивлена? Ты живешь у нас уже пять лет, а моя сестра всегда хотела взять тебя к себе, когда мистера Норриса не станет. Но ты все равно должна быть на высоте и следовать моим урокам.

Для Фанни новость была столь же неприятна, сколь и неожиданна. Она никогда не видела никакого добра от тетушки Норрис и оттого не могла ее полюбить.

– Мне так жалко будет вас покинуть, – запинаясь, сказала она.

– Уж наверно жалко, а как же иначе. Я думаю, с тех пор как ты переступила порог нашего дома, у тебя не было особых причин для огорчений.

– Надеюсь, я не была неблагодарной, тетушка, – скромно сказала Фанни.

– Нет, милочка, надеюсь, что нет. Я всегда считала тебя очень хорошей девочкой.

– И мне уже никогда тут не жить?

– Никогда, дорогая. Но у тебя, без сомнения, будет уютный дом. Да и какая тебе разница, здесь ли жить или у миссис Норрис.

Фанни вышла из комнаты с глубокой печалью на сердце; она чувствовала, что разница будет не маленькая, о жизни с тетушкой Норрис она думала безо всякого удовольствия. Едва повстречавшись с Эдмундом, она поведала ему свое горе.

– Кузен, – сказала она, – меня ждет перемена, и она меня совсем не радует. И хотя часто благодаря твоим уговорам я примирялась с тем, что поначалу было мне не по душе, на этот раз ты не сможешь меня уговорить. Мне предстоит навсегда переселиться к тетушке Норрис.

– Вот как!

– Да, тетушка Бертрам сегодня мне об этом сказала. Все уже условлено. Я должна покинуть Мэнсфилд-парк и отправиться в Белый коттедж, наверно, как только она туда переедет.

– Знаешь, Фанни, если бы тебе это не было неприятно, я бы сказал, что это превосходный план.

– Нет-нет, кузен!

– Все прочее говорит в его пользу. Желая взять тебя к себе, тетушка поступает весьма благоразумно. Она выбирает друга и компаньонку как раз там, где надобно, и я рад, что ее любовь к деньгам не помешала этому. Ты будешь для нее тем, чем должна быть. Я надеюсь, это не слишком огорчает тебя, Фанни.

– Очень огорчает. Совсем мне это не по душе. Я люблю этот дом, все в этом доме. Там я ничего не полюблю. Ты же знаешь, с нею мне всегда не по себе.

– Я не стану говорить о том, как она обращалась с тобой, когда ты была маленькая. Но она так же обращалась со всеми нами, или почти так же. Она никогда не умела быть приветливой с детьми. Но теперь ты уже в таком возрасте, когда с тобой надо обращаться лучше. По-моему, она уже держится лучше, а когда ты станешь ее единственной компаньонкой, она уж непременно станет тобою дорожить.

– Никогда никто не станет мною дорожить.

– Что этому мешает?

– Все... мое положение... моя глупость... нескладность.

– Что до твоей глупости и нескладности, милая Фанни, поверь мне, нет в тебе ничего подобного, разве что ты употребляешь эти слова в неверном смысле. Нет решительно никаких причин, почему бы тобою не стали дорожить там, где тебя знают. Ты обладаешь здравым смыслом и милым нравом, и, я уверен, у тебя благодарное сердце, и на добро ты всегда пожелаешь ответить добром. Для друга и компаньонки нет на свете качеств лучше этих.

– Ты слишком добр, – сказала Фанни, краснея от такой похвалы. – Как же я сумею отблагодарить тебя за то, что ты такого хорошего мнения обо мне? Ох, кузен, если мне придется уехать, я всегда, до последней минуты жизни буду помнить твое великодушие.

– Ну, конечно, Фанни, в такой дали, как Белый коттедж, я надеюсь, ты будешь меня помнить. Ты говоришь так, будто уезжаешь за две сотни миль, а не всего лишь на другой конец парка. Ты будешь членом нашей семьи почти как до сих пор. Оба семейства будут видаться каждый Божий день. Вся разница только в том, что, живя с тетужкой, ты перестанешь оставаться в тени – и так и следует. Здесь, у нас, всегда находится кто-то, за чью спину ты можешь спрятаться, а вот у тетужки Норрис придется тебе говорить самой за себя.

– Прошу тебя, пожалуйста, не говори так!

– Я должен это сказать и говорю это с удовольствием. Миссис Норрис сейчас куда больше подходит для попечения о тебе, чем леди Бертрам. Для того, кем она действительно интересуется, она многое может сделать, такая у нее натура, и она заставит тебя по справедливости оценить твои природные достоинства.

– Мне видится все это не так, как тебе, – со вздохом сказала Фанни, – но надо бы поверить, что прав скорее ты, а не я, и я очень благодарна тебе, что ты стараешься примирить меня с неизбежным. Если бы думать, что тетужке я и вправду небезразлична, было бы восхитительно чувствовать, что для кого-то я что-то значу!.. Ведь я знаю, *здесь* я ни для кого ничего не значу, и однако я так люблю Мэнсфилд-парк.

– С Мэнсфилд-парком ты не расстанешься, Фанни, ты расстанешься только с домом. Ты, как и прежде, будешь вольна гулять и в парке и в саду. Даже твое привязчивое сердечко не должно пугаться такой ничтожной перемены. Ты будешь ходить по тем же дорожкам, в той же библиотеке будешь выбирать книги, тех же людей будешь встречать, на той же лошадке ездить верхом.

– Да, правда. Милый мой серый пони. Ах, кузен, как я вспомню, до чего меня пугала верховая езда, с каким страхом я слушала, когда говорили, что она пойдет мне на пользу (бывало, стоит дядюшке заговорить о лошадях, меня бросает в дрожь)... как подумаю, сколько же ты потратил усилий, чтобы урезонить меня, уговорить не бояться и убедить, что я вскоре полюблю ездить верхом, я чувствую, что ты всегда прав, и начинаю надеяться, что твои предсказания, как всегда, окажутся верны.

– И я совершенно убежден, что жизнь с миссис Норрис так же благотворно подействует на твою душу, как верховая езда на здоровье... и вдобавок послужит к твоему счастью.

Так окончилась их беседа, и хотя она могла сослужить Фанни хорошую службу, без нее вполне можно было бы обойтись, так как тетушка Норрис вовсе не имела намерения брать Фанни к себе. При настоящем положении дел она только и думала, как бы этого избежать. Чтобы никто не ждал от нее ничего подобного, она выбрала для себя самое маленькое жилище

в мэнсфилдском приходе, которое при этом не умаляло бы ее достоинства; Белый коттедж только и мог вместить ее со слугами и еще оставалась комнатка для какой-нибудь гостьи, на чем миссис Норрис особенно настаивала: при жизни мужа лишние комнаты никогда не требовались, а теперь она всякий раз непременно упоминала о необходимости такой комнаты. Однако же никакие ее предосторожности не помешали заподозрить ее в добром намерении; а, быть может, именно разговор о необходимости лишней комнаты и ввел сэра Томаса в заблуждение, заставил предположить, что комната предназначена для Фанни. Уверенность в этом вскоре прозвучала в небрежном замечании леди Бертрам при разговоре с миссис Норрис:

– Я думаю, сестра, нам теперь не к чему держать мисс Ли, раз Фанни будет жить у тебя.

Миссис Норрис даже вздрогнула.

– У меня, дорогая леди Бертрам? Что вы хотите этим сказать?

– А разве она не переедет к тебе?.. Я думала, ты уже условилась обо всем с сэром Томасом?

– Это я-то? Ничего подобного. Я и слова об этом не сказала с сэром Томасом, и он со мною тоже. Фанни будет жить со мной! У меня и в мыслях такого не было, да и ни одна душа, кто хорошо знает нас обеих, никогда б того не пожелала. Боже милостивый, да что мне с нею делать?.. Это я-то! бедная, беспомощная, одинокая вдова, ни на что не годная, сломленная несчастьями – что мне делать с пятнадцатилетней девушкой! С девушкой в ее летах, в тех самых летах, когда ото всех окружающих требуются особое внимание и заботы, и подвергаются испытанию даже самые жизнерадостные характеры. Да нет же, не мог сэр Томас и вправду ожидать от меня этого! Ведь сэр Томас мой искренний друг. Нет-нет, кто желает мне добра, нипочем не мог бы такое предложить. Как же так случилось, что сэр Томас заговорил с вами об этом?

– Право, не знаю. Наверно, он думал, что так будет лучше?

– Но что именно он сказал?.. Не мог он сказать, что желает, чтобы я взяла Фанни. Да нет же, в сердце своем не мог он этого желать.

– Нет, он только сказал, он думает, что это вполне вероятно... и я тоже так подумала. Мы оба подумали, что это будет тебе утешением. Но если тебе это не по душе, тогда и говорить больше не о чем. Фанни нам не обуза.

– Дорогая сестрица! Подумайте сами, как она может быть мне хотя каким-то утешением в моем бедственном положении? Я ведь несчастная, горькая вдова, я лишилась добрейшего, несравненного мужа, здоровье мое потеряно в уходе за ним и неустанным попечении, душевное состояние мое и того хуже, и не будет уже мне покоя на этом свете, средств моих едва хватит, чтобы жить как подобает женщине благородного сословия и не позорить памяти дорогого усопшего, – какое же мне может быть утешение, ежели я возложу на себя заботу о Фанни! Ежели б я могла пожелать этого ради себя, я нипочем не совершила бы такой несправедливости по отношению к бедняжке. Она в хороших руках, и ей это, без сомнения, на пользу. А я уж как могу должна сама справляться со своими горестями и затруднениями.

– Значит, ты не против жить совсем одна?

– Дорогая леди Бертрам, какой же еще может быть мой удел, кроме одиночества? Время от времени, я надеюсь, в моем домике погостит кто-нибудь из приятельниц, но по большей части я буду проводить свои дни в полном уединении. Только бы мне удалось сводить концы с концами, о большем я не прошу.

– Я надеюсь, сестра, если подумать, дела твои не вовсе уж плохи. Сэр Томас говорит, у тебя будет шестьсот фунтов в год.

– Я не жалею, леди Бертрам. Я знаю, мне уже нельзя жить как прежде, мне теперь следует по одежке протягивать ножки и научиться лучше хозяйничать. Прежде я вела хозяйство на слишком широкую ногу, а теперь не стану стыдиться экономить. Положение мое изменилось столь же заметно, как и доход. От несчастного мистера Норриса как от приходского

священника требовалось очень много такого, чего никто не вправе ожидать от меня. Никто не представляет, сколько шло с нашего стола всяким случайным посетителям. В Белом коттедже надо будет лучше за всем присматривать. Я непременно должна жить по средствам, не то буду очень несчастна; и, признаться, я получу величайшее удовлетворение, если сумею сделать более того – к концу года отложу небольшую сумму.

– Уж конечно, сумеешь. Ты ведь всегда откладываешь, правда?

– Моя цель, леди Бертрам, быть полезной тем, кто останется после меня. Если я хочу быть богаче, так это ради ваших детей. Более мне заботиться не о ком, но мне приятно будет думать, что я сумела оставить им кое-какую малость, которая никак им не помешает.

– Ты очень добра, но не тревожься о них. Они, без сомненья, будут хорошо обеспечены. Сэр Томас об этом позаботится.

– Но ведь ежели владения на Антигуа будут приносить столь малый доход, сэр Томас окажется несколько ограничен в средствах.

– Ну, это-то скоро уладится. Сэр Томас уже написал по этому поводу.

– Что ж, леди Бертрам, – сказала миссис Норрис, собравшись уходить. – Я только могу сказать, что мое единственное желание – быть полезной вашему семейству... и ежели сэр Томас когда-нибудь опять заговорит о том, что я возьму к себе Фанни, вы сможете ему сказать, что при моем здоровье и душевном состоянии об этом не может быть и речи... к тому же у меня и места для нее не будет, ведь мне необходимо иметь комнату на случай, если кто-нибудь придет погостить.

Леди Бертрам пересказала мужу этот разговор достаточно подробно, чтобы он мог убедиться, как сильно он ошибался относительно намерений свояченицы; и теперь та могла быть совершенно спокойна, что он ничего от нее не ждет и не позволит себе никаких намеков. Его лишь удивляло ее нежелание сделать хоть что-нибудь для племянницы, которую она первая сочла нужным взять на попечение; но поскольку она заранее позаботилась, чтобы он, как и леди Бертрам, понял, что все, чем она владеет, предназначается их семейству, он быстро примирился с некоей ее особенностью, которая, служа к выгоде и пользе их семейства, даст ему возможность лучше обеспечить Фанни самому.

Фанни вскорости стало известно, что ее страхи из-за переезда напрасны, и, узнав об этом, она так открыто, искренне обрадовалась, что это несколько утешило Эдмунда в его разочаровании из-за несбывшейся надежды на то, что, по его мнению, должно было послужить к ее вящей пользе. Миссис Норрис переехала в Белый коттедж, Гранты заняли дом приходского священника, и, когда эти события остались позади, несколько времени все в Мэнсфилде шло по-старому.

Чета Грантов, показав склонность к дружелюбию и общительности, вызвала у большинства своих новых знакомых величайшее удовлетворение. Были у них и свои недостатки, и миссис Норрис вскорости их обнаружила. Доктор Грант очень любил поесть, и ему всякий день требовались обильные обеды; а миссис Грант, вместо того чтобы умудриться потакать его страстию при самых скромных расходах, назначила своей кухарке почти столь же щедрое жалование, как в Мэнсфилд-парке, и сама почти никогда не показывалась ни в кладовой, ни в кухне. Говоря о таких поводах для недовольства или о количестве сливочного масла и яиц, которые поглощались в доме нового священника, миссис Норрис была не в силах сохранять сдержанность. Кто ж, как не она, любил изобилие и гостеприимство... кто ж, как не она, терпеть не мог всяческую скарденность... в ее время приходский дом, уж конечно, никогда не испытывал недостатка во всякого рода удобствах, об нем никогда нельзя было сказать дурного слова, но то, как дом ведется сейчас, понять невозможно. Женщина с замашками аристократки в сельском приходе не к месту. Миссис Грант полезно было бы заглянуть в кладовую в Белом коттедже. Ведь кого ни спросишь, все говорят, что миссис Грант более пяти тысяч никогда и не имела.

Леди Бертрам слушала подобные обличительные речи без особого интереса. Вникать в промахи миссис Грант, несовместные с представлением о бережливой хозяйке, она не могла, но красавица в ней была жестоко оскорблена тем, что, не отличаясь привлекательной наружностью, миссис Грант так хорошо устроилась на свете, и свое удивление по этому поводу она высказывала столь же часто, хотя и не столь многословно, как миссис Норрис – свое по тому другому поводу.

С этих обсуждений не минуло и года, а в жизни семейства Бертрам произошло новое событие такой важности, что по праву должно было занять кое-какое место в мыслях и разговорах сестер. Сэр Томас счел необходимым сам отправиться на Антигуа, чтобы лучше там всем распорядиться, и взял с собою старшего сына в надежде оторвать его от дурных знакомств дома. Они покинули Англию, предполагая пробывать в отъезде год.

Необходимость сей меры из-за состояния денежных дел и надежды, что она послужит к пользе сына, примирили сэра Томаса с решением покинуть семью и препоручить дочерей в столь решающем для их развития возрасте руководству других. Он не мог полагать, что леди Бертрам способна вполне им его заменить или хотя бы надлежащим образом исполнить обязанности матери, но был достаточно уверен в бдительном внимании миссис Норрис и в рассудительности Эдмунда и потому уехал не опасаясь, что они останутся без необходимого руководства.

Леди Бертрам совсем не нравилось, что супруг ее оставил; но ее не волновали ни тревога об его безопасности, ни забота об его удобстве, поскольку была она из тех людей, которые полагают, что ни для кого, кроме них самих, не существует ничего опасного, трудного или утомительного.

В связи с этим новым событием более всех других следовало пожалеть обеих мисс Бертран; не оттого, что они огорчались, но оттого, что не испытывали огорчения. Отец не пользовался их любовью, он никогда, казалось, особенно не потворствовал их развлечениям, и его отъезд был им, к сожалению, весьма приятен. Теперь можно было забыть обо всех ограничениях; и вовсе не стремясь к удовольствию, которое сэр Томас, вероятно, им бы запретил, они тотчас почувствовали, что стали сами себе хозяйки и могут угождать любой своей прихоти. Фанни испытала такое же облегчение, как и ее кузины, и вполне это понимала, но, от природы более совестливая, полагала это неблагодарностью и искренне горевала оттого, что не горюет. Сэр Томас так много сделал для нее и для ее братьев, а теперь уехал, и может быть, никогда не вернется!.. и проводить его без единой слезинки!.. это же постыдная бесчувственность. Более того, в последнее утро он высказал надежду, что следующей зимою она, возможно, опять увидится с Уильямом, и велел, как только станет известно, что его эскадра прибыла в Англию, написать ему и пригласить в Мэнсфилд. Какое внимание, какая доброта!.. И если бы еще, говоря так, он улыбнулся или назвал ее «милая Фанни», вся его прежняя хмурость и холодное обращение с ней были бы забыты. Но под конец сэр Томас прибавил: «Ежели Уильям и вправду приедет в Мэнсфилд, я надеюсь, он сможет убедиться, что долгие годы, пока вы не виделись, не прошли для тебя без пользы... хотя, боюсь, он заметит, что в шестнадцать лет его сестра в некоторых отношениях осталась такою же, какой была в десять», – и эти слова жестоко ее обидели. Когда сэр Томас уехал, Фанни горько плакала, вспоминая эти слова, а кузины, видя ее покрасневшие глаза, сочли ее лицемеркой.

Глава 4

Том Бертрам в последнее время так редко бывал дома, что скучать об нем можно было разве только на словах; и леди Бертрам вскоре лишь диву давалась, как хорошо они обходятся и без сэра Томаса, как хорошо сумел его заменить Эдмунд, который самолично принимал решения, разговаривал с управляющим, переписывался с поверенным в делах, улаживал недоразумения со слугами, и при этом в каждой мелочи оберегал ее от возможной усталости и напряжения, предоставляя ей лишь самой адресовать письма.

Были получены первые сведения, что после приятного плавания путешественники благополучно прибыли на Антигуа, хотя дошли они не прежде, чем миссис Норрис позволила себе предаться невероятнейшим страхам, стараясь всякий раз, как заставала Эдмунда в одиночестве, приобщить к ним и его; в надежде стать первой, кому доведется узнать о какой-нибудь катастрофе, она уже настроилась, как именно сообщит об ней всем остальным, но тут заверения сэра Томаса, что они с Томом живы и здоровы, вынудили ее отложить на время и волнение свое, и вкрадчивые вступления к роковой вести.

Наступила и миновала зима, а речи эти все были без надобности, вести по-прежнему приходили добрые; и миссис Норрис, в придачу ко всем заботам о собственном хозяйстве, кое-какому вмешательству в хозяйство сестры и наблюдению за расточительством миссис Грант, так была занята, содействуя развлечениям племянниц, поощряя их стремление наряжаться, выставляя напоказ их совершенства и приглядывая им будущих мужей, что у ней почти не оставалось досуга опасаться за судьбу отсутствующих.

Обе мисс Бертрам теперь прочно утвердились среди местных красавиц; а так как их красота и блестящее воспитание сочетались с присущей им от природы естественной непринужденностью и заботливо привитой любезностью и обходительностью, они заслужили благосклонность и восхищение местного общества. Тщеславие у них было такого превосходного свойства, что казалось, они полностью его лишены, и они нисколько не важничали; а похвалы, вызываемые таким поведением, сохраненные и пересказанные им тетушкой, укрепляли их веру в свою непогрешимость.

Леди Бертрам не сопровождала дочерей, когда они выезжали. Она была слишком тяжела на подъем, чтобы даже и ради удовольствия, какое получает любая мать, видя успех и радость своих детей, обречь себя на кое-какие неудобства, и попечение это было передано сестре, которая ничего лучше столь почетного представительства не желала, и со знанием дела упивалась открывшейся перед нею возможностью возвращаться в обществе, не обременяя себя расходами на лошадей.

Фанни не участвовала в развлечениях этого сезона, но радовалась, что, когда они призывали всех прочих членов семейства, она, по общему признанию, оказывалась полезна в качестве тетушкиной компаньонки: а так как мисс Ли уже покинула Мэнсфилд, то в вечер бала или поездки в гости Фанни неизменно заменяла тетушке Бертрам всех и вся. Она разговаривала с тетушкой, слушала ее, читала ей; и покой этих вечеров, уверенность, что в их *tete-a-tete* ей не грозит ни единое недоброе слово, оказывались невыразимо приятны душе, которая лишь изредка бывала свободна от тревог и смущения. Что же до развлечений своих кузин и кузена, она любила слушать о них, особенно о балах и о том, с кем танцевал Эдмунд; но считала свое положение слишком скромным, чтобы воображать, будто и ей когда-нибудь позволят войти в этот мир, и потому слушала, вовсе не думая, что ей доведется узнать все это ближе. В целом этой зимою ей жилось уютно; ибо хотя Уильям так и не появился в Англии, надежда на его приезд, никогда не оставлявшая Фанни, очень ее поддерживала.

С наступлением весны Фанни лишилась своего дорогого друга, старого серого пони, и одно время ей грозила опасность, что утрата скажется не только на ее чувствах, но и на здоро-

вье, ибо, хотя признано было, как необходима ей верховая езда, никто не позаботился, чтобы она опять стала ездить верхом, «потому что, – как заметили тетушки, – она может ездить на лошадях своих кузин во всякое время, когда те им не нужны»; но такого времени, разумеется, никогда не находилось, ведь в каждый погожий день обеим мисс Бертрам лошади неизменно бывали нужны, и при всей их благовоспитанности им и в голову не приходило, что не грех иной раз пожертвовать своим удовольствием. Погожим апрельским и майским утром они превесело отправлялись на прогулки верхом; а Фанни либо весь день сидела дома с одной тетушкой, либо гуляла до изнеможенья по наущению другой; ибо леди Бертрам, не любившая прогулки, полагала их ненужными и всем прочим, а миссис Норрис, которая весь день была на ногах, находила, что и все прочие не должны уступать ей в этом. Эдмунд в ту пору был в отъезде, не то зло было бы исправлено раньше. Когда он воротился, понял, в каком положении оказалась Фанни, и представил все дурные последствия этого, он решил, что выход может быть только один, и утверждение «У Фанни должна быть лошадь» противопоставил всем попыткам матери, порожденным бездейственной натурой, и тетушки, заботящейся об одной лишь экономии, убедить его, что это совершенно не важно. Миссис Норрис хотела думать, что среди множества лошадей Мэнсфилд-парка наверняка найдется какая-нибудь старая лошадь, которая вполне сгодится для Фанни, или такую можно взять на время у их управляющего, или, быть может, иной раз брать у мистера Гранта пони, на котором ездят за почтой. По ее мнению, нет никакой необходимости и даже неприлично, чтобы у Фанни, так же, как у девиц Бертрам, была своя лошадь. Сэр Томас, разумеется, не имел такого намерения, и она, миссис Норрис, уверена, что делать такую покупку в его отсутствие, увеличивая и без того огромные расходы на конюшню в ту пору, когда значительная часть его доходов оказалась под угрозой, совершенно непристительно. «У Фанни должна быть лошадь», – отвечал Эдмунд на все возражения. Миссис Норрис не могла с ним согласиться. Леди Бертрам соглашалась; как и сын, она полагала это необходимым и не сомневалась, что так рассудил бы и его отец; она лишь умоляла его не торопиться, лишь хотела, чтобы он дождался возвращения сэра Томаса, и тогда сэр Томас все уладит сам. Он должен быть дома в сентябре, и что плохого, если они всего лишь подождут до сентября?

Хотя Эдмунд был куда больше недоволен тетушкой, почти не уделявшей внимания племяннице, чем матерью, он вынужден был прислушаться к ее словам и под конец избрал такую линию поведения, чтобы не опасаться, что отец подумает, будто он взял на себя слишком много, и при том не лишать Фанни столь ей необходимых для здоровья прогулок верхом. У него были три собственные лошади, но все неподходящие для женщины. Две были охотничьи, третья – хорошая ездовая лошадь; эту третью Эдмунд надумал обменять на такую, которая подойдет кузине для верховой езды; он знал, где ее сыскать, и, раз уже решил, быстро довел дело до конца. Новая кобыла оказалась истинным сокровищем; почти без труда она стала именно такую, как требовалось, и тогда была отдана Фанни чуть ли не в полное распоряжение. Прежде Фанни не представляла, чтобы кто-нибудь мог так же подойти ей, как старый серый пони; но ее восторг от кобылы Эдмунда значительно превосходил удовольствие, которое она получала раньше; и всякий раз при мысли о том, что своей радостью она обязана доброте Эдмунда, к ней прибавлялось еще что-то, чего она не в силах была выразить словами. В глазах Фанни кузен Эдмунд был воплощением всего, что только может быть хорошего и благородного, и этого никто, кроме нее, не способен оценить по достоинству, и он заслужил право на такую благодарность, какая, сколь бы ни была велика, все будет недостаточна. В отношении Фанни к Эдмунду слились чувства самые почтительные, благодарные, исполненные доверия и нежности.

Так как и на словах и по существу лошадь оставалась собственностью Эдмунда, миссис Норрис могла допустить, чтобы на ней ездила Фанни; доведись леди Бертрам вспомнить свои возражения, Эдмунд был бы оправдан в ее глазах тем, что, хотя и не дождался сентября, когда сентябрь наступил, сэр Томас все еще находился за границей безо всякой надежды на скорое окончание дел. Когда все его помыслы уже обратились к Англии, неожиданно возникли небла-

гоприятные обстоятельства, и полнейшая неопределенность, в которой он оказался, побудила его отослать домой сына, а самому ждать, пока все не уладится. Том благополучно прибыл и сообщил, что отец находится в добром здравии; но, на взгляд миссис Норрис, особого смысла в его приезде не было. Она вообразила, что сэр Томас отослал сына, движимый отцовской любовью, в предвидении грозящей ему самому опасности, и ее стали одолевать ужасные предчувствия, которые долгими осенними вечерами, в печальном одиночестве ее коттеджа, так ее мучили, что днем ей приходилось искать спасения в столовой Мэнсфилд-парка. Возвращение зимнего сезона сыграло свою роль; и среди встреч и приглашений мысли ее так приятно были заняты устройством судьбы старшей племянницы, что нервы основательно поуспокоились. «Если бедняжке сэру Томасу не суждено вернуться, будет особенно утешительно знать, что Мария удачно выдана замуж», – обыкновенно думала она всякий раз, как они оказывались в обществе богатых мужчин, главным же образом когда им представляли молодого человека, который недавно унаследовал какое-нибудь из крупнейших состояний и прекраснейших имений Англии.

Мистер Рашуот был с самого начала покорен красотой старшей мисс Бертрам и, имея намерения жениться, скоро вообразил себя влюбленным. То был скучный молодой человек, отличавшийся разве что здравым смыслом; но так как ни в наружности его, ни в обращении не было ничего неприятного, его избранница была очень довольна своей победой. Марии Бертрам шел уже двадцать первый год, и она начинала считать замужество своим долгом; а так как брак с мистером Рашуотом сулил ей радость большего дохода, чем у отца, а также, без сомнения, дом в Лондоне, что было сейчас главной целью, она опять же по чувству долга сочла своей прямой обязанностью, если удастся, выйти замуж за мистера Рашуота. Тетушка Норрис весьма усердно способствовала заключению этого союза всяческими советами и затеями, которые и должны были сделать его еще привлекательней для обеих сторон; среди прочего она старалась завязать дружбу с матерью сего джентльмена, которая в настоящее время жила с ним одним домом, и вынудила леди Бертрам нанести ей утренний визит, для чего почтенной леди пришлось одолеть десять миль далеко не лучшей дороги. Очень скоро между матерью мистера Рашуота и миссис Норрис установилось взаимопонимание. Миссис Рашуот призналась, что весьма желает, чтобы сын женился, и объявила, что из всех барышень, каких ей довелось видеть, старшая мисс Бертрам, судя по ее привлекательности и прочим совершенствам, кажется, лучше всех других способна составить его счастье. Миссис Норрис вполне с этим согласилась и выразила восхищение проницательностью племянницы, сумевшей отличить человека, истинно достойного. Да, Мария и вправду гордость и радость всей их семьи, она безупречна, просто ангел; и, конечно, когда девушка так окружена поклонниками, сделать выбор нелегко; но насколько миссис Норрис может позволить себе судить при таком недолгом знакомстве, ей кажется, мистер Рашуот именно тот молодой человек, который заслуживает Марии и должен ее привлечь.

Протанцевав друг с другом на положенном числе балов, молодые люди подтвердили эти мнения, к явному удовольствию обоих семейств и многочисленных наблюдателей-соседей, которые уже много недель чувствовали, как уместен брак между мистером Рашуотом и старшей мисс Бертрам, и с должным упоминанием об отсутствии сэра Томаса было договорено о предстоящей помолвке.

Согласие сэра Томаса можно было получить лишь через несколько месяцев; а пока суд да дело, поскольку никто не сомневался в его самом сердечном удовольствии от сего родства, оба семейства поддерживали между собою самую тесную связь, и попытка сохранить предстоящее в тайне состояла единственно в том, что тетушка Норрис говорила об этом повсюду как о событии, о котором пока еще говорить не следует. Из всего семейства один лишь Эдмунд полагал этот союз ошибкою; и как тетушка ни старалась представить мистера Рашуота в лучшем виде, Эдмунд не находил его подходящей для Марии партией. Он мог согласиться, что сестре лучше знать, в чем ее счастье, но его не радовало, что счастье она видит в больших

деньгах; и, оказываясь в обществе Рапуота, частенько говаривал себе, что «не будь у этого малого двенадцати тысяч в год, он был бы обыкновенным тупицей».

Сэр Томас, однако ж, был поистине счастлив в предвидении союза столь бесспорно выигрышного и о котором он знал только все наилучшее и приятное. Это было как раз такое родство, как надобно – в том же графстве, земли по соседству; и он со всей поспешностью сообщил о своем сердечном согласии. Он лишь поставил условием, чтобы свадьба состоялась не прежде, чем он воротится, чего он опять ждал с величайшим нетерпением. Он написал в апреле и твердо надеялся полностью все уладить и уехать с Антигуа еще до окончания лета.

Так обстояли дела в июле месяце, и Фанни едва исполнилось восемнадцать лет, когда местное деревенское общество пополнилось братом и сестрой миссис Грант, некими мистером и мисс Крофорд, детьми ее матери от второго брака. Оба были молоды и богаты. У сына было хорошее имение в Норфолке, у дочери – двадцать тысяч фунтов. Когда они были детьми, сестра горячо их любила, но так как она вышла замуж вскоре после смерти их общей родительницы, а они остались на попечении брата их отца, которого миссис Грант совсем не знала, она с тех пор едва ли их и видела. Дом дядюшки стал для них истинным домом. Адмирала и миссис Крофорд, всегда и на все смотревших по-разному, объединила привязанность к этим детям, по крайней мере, они расходились только в том, что у каждого был свой любимец, которому они выказывали особую любовь. Адмирал восхищался мальчиком, его супруга души не чаяла в девочке; и как раз смерть леди Крофорд заставила ее protégée¹ после нескольких месяцев дальнейших испытаний в доме дяди искать другого пристанища. Адмирал Крофорд, человек распушенный, вместо того чтобы удержать у себя племянницу, предпочел привести в дом любовницу; этому миссис Грант и была обязана желанием сестры приехать к ней, что было столь же приятно для одной стороны, как и уместно для другой; ибо к этому времени миссис Грант успела использовать все привычные возможности, которые предоставляет бездетному семейству деревенская жизнь, полностью, и даже с избытком, обставила свою любимую гостиную красивой мебелью, завела отменный сад и домашнюю птицу и уже стала жадать каких-то перемен дома. Оттого приезд сестры, которую она всегда любила и теперь надеялась задержать у себя, пока та не выйдет замуж, был как нельзя более кстати; и беспокоилась она главным образом об том, чтобы не оказалось, что Мэнсфилд не удовлетворит привычки молодой девицы, до того жившей все больше в Лондоне.

Мисс Крофорд не вовсе была свободна от сходных опасений, правда, они в основном были вызваны сомнениями, подойдет ли ей стиль жизни сестры и достаточно ли изысканным окажется общество; и лишь после того, как она тщетно старалась уговорить брата поселиться с нею в загородном доме, она решилась попытать счастья у других родственников. К сожалению, Генри Крофорду было совсем не по вкусу подолгу жить под какой-нибудь одной крышей либо ограничивать себя каким-нибудь одним обществом; он не мог поступить по желанию сестры в деле столь важном, но с величайшей любезностью сопровождал ее в Нортгемптоншир и, если бы ей там наскучило, по первому ее зову с такою же готовностью забрал бы ее оттуда.

Встреча вполне удовлетворила обе стороны. Мисс Крофорд нашла сестру отнюдь не педантичную или провинциальную, мужа сестры, похоже, настоящего джентльмена, и просторный, хорошо обставленный дом; а миссис Грант получила в тех, кого надеялась полюбить пуще прежнего, молодого человека и девушку весьма привлекательной наружности. Мэри Крофорд была необыкновенно хорошенькая, а Генри, хотя и не красавец, имел приятное выражение лица; держались оба мило и непринужденно, и миссис Грант незамедлительно отдала должное и всему прочему. Она была в восторге от обоих, но Мэри особенно ее покорила; и, ни в юности, ни в зрелые годы не имея оснований упиваться собственной красотой, она всю наслаждалась возможностью гордиться красотой сестры. Она не стала ждать приезда Мэри, чтобы подыскать

¹ Подопечную (франц.)

ей подходящую партию; свой выбор она остановила на Томе Бертраме; девушка с двадцатью тысячами фунтов, со всеми ее совершенствами и изяществом, которые миссис Грант представляла заранее, была как раз под стать старшему сыну баронета; и Мэри не пробыла в доме сестры и трех часов, как та, добрая и откровенная, поведала ей о своих планах. Мисс Крофорд обрадовалась, узнав, что в такой близости от них есть столь высокопоставленное семейство, и у ней не вызвало неудовольствия ни то, что сестра заходя о ней позаботилась, ни то, на кого пал ее выбор. Брак был ее целью, при условии, что замужество будет удачным, и так как она видела Тома Бертрама в Лондоне, она понимала, что сам он может вызвать не больше возражений, нежели его положение в обществе. И оттого, относясь к затее сестры как к шутке, не забыла подумать об этом всерьез. В скором времени об этом было рассказано Генри Крофорду.

– А теперь, – прибавила миссис Грант, – в довершение всего я и еще кой о чем подумала. Я бы от души желала, чтобы вы оба обосновались в здешних краях, и потому, Генри, ты конечно женишься на младшей мисс Бертрам, это обворожительная красивая девушка, доброго нрава, и воспитание получила хорошее, она составит твоё счастье.

Генри поклонился и поблагодарил ее.

– Дорогая сестра, – сказала Мэри, – если вам удастся склонить его к этому, у меня будет еще одна причина радоваться, что я состою в родстве с особой столь тонкого ума, и мне останется лишь пожалеть, что у вас нет полудюжины дочерей, которых надобно пристроить. Если вы надеетесь склонить Генри жениться, вы должны обладать хитроумием француженки. Все, на что способны англичанки, было уже испробовано. У меня есть три весьма разборчивые подружки, и все они по очереди обмирали по нему; и даже вообразить нельзя, каких только усилий не прилагали они сами, их маменьки (женщины весьма тонкого ума), а также моя дорогая тетушка и я, чтобы урезонить его, уговорить или хитростью заставить жениться! Другого такого ловеласа не сыщешь в целом свете. Если сестры Бертрам не желают остаться с разбитыми сердцами, пускай лучше держатся от Генри подальше.

– Дорогой братец, я не могу этому поверить.

– Конечно, вы ведь такая добрая. Вы будете снисходительнее Мэри. Вы примете во внимание сомненья молодости и неопытности. Я по натуре осторожен и не желаю в спешке рисковать своим счастьем. К брачным узам я отношусь с величайшим почтением. Про жену-благословенье, мне кажется, всего лучше сказано в сдержанных словах поэта «Последний неба дар счастливый»².

– Вот видите, миссис Грант, как он играет словом, и вы только посмотрите на его улыбку. Уверяю вас, он ужасен. Дурной пример адмирала был слишком заразителен.

– Я не обращаю внимания на разговоры молодых о браке, – сказала миссис Грант. – Если они заявляют о своем отвращении к браку, я понимаю так, что они еще не встретили подходящей особы.

Доктор Грант, смеясь, поздравил мисс Крофорд с тем, что она такого отвращения не испытывает.

– О нет! И несколько этого не стыжусь. Пускай бы все вступали в брак, если могут сыскать себе подходящую партию. Мне не нравится, когда растрачивают жизнь впустую. Но вступать в брак надобно, если это послужит к взаимной выгоде.

² Из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай».

Глава 5

Молодые люди с самого начала понравились друг другу. У обеих сторон было много приятного, и в скором времени с той быстротой, какую позволяло хорошее воспитание, знакомство обещало стать более тесным. Красота мисс Крофорд не вызвала неприязни у сестер Бертрам. Они слишком хороши были сами, чтобы невзлюбить за это другую женщину, и почти в той же мере, как братья, были очарованы ее живыми темными глазами, чистой смуглой кожей лица и общей прелестью. Будь она высокая, пухленькая и белокурая, это могло бы оказаться для них более серьезным испытанием, а при ее наружности не было и речи ни о каком сравнении, и ей позволительно было быть милой хорошенькой девушкой, при том, что они оставались первыми красавицами в здешнем краю.

Брат ее не был хорош собой; нет, когда они увидели его впервые, он показался им некрасивым и слишком смуглым; но все-таки он был джентльмен и отличался приятной манерой разговора. При второй встрече они нашли его уже не таким некрасивым; да, он некрасив, это несомненно, зато какое выражение лица, и зубы хороши, и так сложен превосходно, что скоро уже забываешь о его некрасивости; а после третьей беседы с ним, отобедавши в его обществе у викария, они уже никому больше не позволяли так о нем отзываться. Такого приятного молодого человека им никогда еще не доводилось видеть, и обе равно были в восторге от него. Помолвка старшей мисс Бертрам делала его по справедливости собственностью Джулии, что она вполне сознавала, и он еще и недели не пробыл в Мэнсфилде, а она уже совершенно была готова в него влюбиться.

Мысли Марии о сем предмете были более смутные и сбивчивые. Она не желала толком в них разобраться. «Что за беда, если ей понравится приятный человек... что она не свободна, всем известно... пускай мистер Крофорд сам поостережется». Мистер Крофорд ничуть не намерен был оказаться в опасности; обе мисс Бертрам стоят того, чтобы доставить им удовольствие, и они к тому готовы; и у него поначалу была единственная цель им понравиться. Он не желал, чтобы они умирали от любви; но при здравом уме и самообладании, благодаря которым ему следовало бы судить и чувствовать вернее, он позволял себе в таких делах большую свободу.

– Мне чрезвычайно нравятся обе ваши мисс Бертрам, сестра, – сказал он, воротясь, когда проводил их до кареты после того обеда, – они очень изящные, приятные барышни.

– Ну, конечно, конечно, и я рада это слышать. Но Джулия тебе нравится больше.

– О да! Джулия мне нравится больше.

– В самом деле? А ведь все почитают Марию красивейшей из них.

– И не удивительно. У ней и черты лучше, и выражение лица, на мой взгляд, милее... но Джулия мне нравится больше. Мария, конечно же, красивее и показалась мне приятнее, но Джулия всегда будет мне нравиться больше, потому что так вы мне приказали.

– Не стану тебя уговаривать, Генри, но знаю, в конце концов она уж непременно понравится тебе больше.

– Разве я не сказал вам, что она с самого начала понравилась мне больше?

– И кроме того, Мария обручена. Помни об этом, милый братец. Она уже сделала выбор.

– Да, и оттого она нравится мне еще более. Обрученная женщина всегда милее необрученной. Она довольна собою. Ее тревоженья позади, и она может на всех подряд испытывать свои чары. Обрученная девушка не представляет опасности, ей ничто не грозит.

– Ну что до этого... мистер Рашуот весьма достойный молодой человек, и для нее это замечательно удачный брак.

– Но мисс Бертрам ни в грош его не ставит; таково ваше мнение о вашей близкой подруге. Я бы под ним не подписался. Мисс Бертрам, без сомнения, питает великую привязанность к

мистеру Рашуоту. Я прочел это в ее глазах, когда о нем упомянули. Я слишком хорошо думаю о мисс Бертрам, чтобы предположить, что она отдаст свою руку без любви.

– Мэри, ну что с ним поделать?

– По-моему, надобно предоставить его самому себе. Уговоры ни к чему не приведут. В конце концов он окажется в ловушке.

– Но я вовсе не желала бы, чтоб он оказался в ловушке, вовсе не желала бы, чтоб его одурачили, я бы желала, чтобы все было честно и благородно.

– О Господи!.. пусть его попытает счастья и окажется в ловушке. Не вижу в том ничего плохого. Рано или поздно всяк попадается.

– Но не всегда в браке, дорогая Мэри.

– Особливо в браке. Дорогая моя миссис Грант, при всем моем уважении к тем из присутствующих, кому случилось вступить в брак, все же из сотни людей не найдется ни единого мужчины или женщины, кто бы, вступив в брак, не оказался в ловушке. Куда ни гляну, всюду то же; и чувствую, что иначе и не может быть, ведь при этом каждый ждет от другого куда более, чем во всякой иной сделке, а сам всего менее намерен вести себя по чести.

– Ах, Мэри! На Хилл-стрит ты прошла плохую школу для супружества.

– Моей бедняжке тетушке и вправду не за что было так уж любить замужество, но, однако, по моему наблюдению, брак хитрая штука. Сколько ж я знаю случаев, когда вступали в брак полные надежды и веры, что нашли весьма удачную партию с точки зрения родства, или образованности и воспитания, или добрых свойств натуры, и оказывались совершенно обманутыми и вынуждены были мириться с полной противоположностью всему, чего ожидали! Что же это, как не ловушка?

– Дитя мое, боюсь, у тебя слишком разыгралось воображение. Ты уж извини, но я не могу полностью тебе поверить. Право же, ты видишь лишь одну сторону. Ты видишь дурное и не видишь утешения. Без кое-каких трудностей и разочарований ничто не обходится, и все мы склонны ждать чересчур многого; ну, а если не сбудется наше представление о счастье, человеческая натура такова, что тотчас же возникнет иное; если первый расчет окажется неверен, мы сделаем другой, получше; чем-нибудь да утешимся, милочка Мэри, – а те недоброжелатели, что смотрят со стороны и делают из мухи слона, куда вероятней окажутся и обманутыми и в ловушке, чем сами заинтересованные стороны.

– Bravo, сестра! Я отдаю должное твоему *esprit du corps*³. Когда я стану женою, я постараюсь быть такой же стойкой; и дай мне Бог таких же стойких друзей. Это избавило бы меня от многих страданий.

– Ну и хороша же ты, Мэри, не лучше своего братца. Но мы непременно вылечим вас обоих. Мэнсфилд вылечит вас обоих... и безо всяких ловушек. Оставайтесь с нами, и мы вас непременно вылечим.

Вовсе не желая, чтобы их вылечили, Крофорды, однако, очень хотели остаться. Дом викария пришелся Мэри по вкусу в качестве нового пристанища, и Генри тоже готов был задержаться здесь. Он приехал, намереваясь провести у Грантов всего несколько дней, но Мэнсфилд сулил приятное времяпрепровождение, и ничто не призывало его в какое-либо другое место. Миссис Грант была счастлива оказать гостеприимство им обоим, и доктор Грант соглашался на это с превеликим удовольствием; разговорчивая хорошенькая девушка вроде мисс Крофорд – всегда приятная компания для праздного домоседа; а присутствие в доме мистера Крофорда давало повод что ни день пить кларет.

Восхищенье, которое мистер Крофорд вызвал у сестер Бертрам, они изъясляли куда восторженней, чем то было в обычае у мисс Крофорд. Однако она признавала, что братья Бертрам прекрасные молодые люди, что двух таких сразу не часто встретишь и в Лондоне и что

³ Здесь: верность духу супружества (франц.)

их манеры, особенно манеры старшего, на редкость хороши. Он много бывал в Лондоне, отличался большею живостью и галантностью, и оттого его следовало предпочесть Эдмунду; а то, что он из двоих старший, разумеется, было и еще одним серьезным достоинством. У ней скоро появилось предчувствие, что старший должен понравиться ей больше. Она знала: так ей суждено.

Тома Бертрама и вправду можно было счесть милым молодым человеком; он был из тех, кто пользуется всеобщей любовью, его умение понравиться было такого рода, которое почитают приятным охотнее, нежели иные свойства более высокие, ибо он непринужденно держался, имел прекрасное расположение духа, широкое знакомство и за словом в карман не лез; а Мэнсфилд-парк и звание баронета, которое ему предстояло унаследовать, тоже не пустяк. Мисс Крофорд вскоре почувствовала, что он сам и его положение могли бы ее устроить. Она огляделась, поразмыслила и сочла, что почти все говорит в его пользу: и парк – настоящий парк пяти миль в окружности, и просторный, современной постройки дом так хорошо расположен и защищен, что ему место в любой коллекции гравюр, изображающих дворянские усадьбы английского королевства, разве только его требуется заново обставить, и сестры у Тома милые, маменька сдержанная, и сам он приятный человек, притом, дав слово отцу, отстал от карточной игры, а в будущем станет сэром Томасом. Это бы очень ей подошло; она была уверена, что следует отнестись к нему благосклонно; и соответственно стала проявлять некоторый интерес к его лошади, которая будет участвовать в скачках.

Из-за скачек он должен был уехать вскоре после того, как началось их знакомство, и поскольку, судя по предыдущим отъездам, семья могла ждать его возвращения лишь через много недель, это подвергло бы его страсть раннему испытанию. Со всем пылом влечения он чего только ни говорил, чтобы склонить ее присутствовать на скачках, и строил планы большого приема, на котором они будут присутствовать, но мисс Крофорд все это занимало лишь как тема для разговоров.

Ну а Фанни, что делала и думала все это время она? И каково было ее мнение о приезжих? Не многие восемнадцатилетние девицы так мало склонны высказывать свое мнение, как Фанни. Сдержанно, лишь изредка имея собеседника, она отдавала дань восхищения красоте мисс Крофорд; но, по-прежнему находя мистера Крофорда весьма некрасивым, хотя кузины постоянно утверждали обратное, об нем вовсе не упоминала. Интерес, который возбуждала она сама, был такого свойства:

– Я уже начинаю понимать вас всех, кроме мисс Прайс, – сказала мисс Крофорд, прогуливаясь с братьями Бертрам. – Скажите на милость, она выезжает или не выезжает?.. Я в недоумении... Она вместе со всеми вами обедала у викария, значит, похоже, она выезжает, и однако ж, она так неразговорчива, что трудно этому поверить.

Эдмунд, к которому прежде всего были обращены эти слова, ответил:

– Я, кажется, представляю, что вы имеете в виду... но не берусь ответить на ваш вопрос. Моя кузина уже не ребенок. По годам и здравому смыслу она взрослая, но выезжает или не выезжает – это выше моего понимания.

– И однако же, в этом очень просто разобраться. Различие столь велико. Манера поведения, а также внешний вид обычно совсем разные. До этого случая мне и в голову не приходило, будто можно ошибиться, выезжает девушка или нет. Если девушка не выезжает, она всегда определенным образом одета, носит, например, скромный капор, кажется очень застенчивой и никогда слова не вымолвит. Можете улыбаться, но, уверяю вас, это так, и так и следует, хотя, случается, в этом чересчур усердствуют. Девушке положено быть тихой и скромной. Самая нежелательная сторона в этом, что, когда девушку вводят в общество, ее поведение часто меняется слишком резко. Иные в самое короткое время переходят от робости к полной ее противоположности – к самонадеянности! Вот в чем недостаток нынешнего порядка вещей. Неприятно видеть девушку восемнадцати, девятнадцати лет, которая так внезапно переменя-

лась, особенно если вы видели ее год назад, когда она едва решалась заговорить. Мистер Бертрам, уж вам-то наверно приходилось иной раз наблюдать такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.